ДИНАМИКА ПАРАМЕТРОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ И МЕСТНОЙ ВЛАСТИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЕКТАХ 1969, 1990/91 и 2012–2016 гг.

Жаворонков Александр Васильевич,

доктор социологических наук, главный научный сотрудник,

Институт социологии ФНИСЦ РАН,

Москва.

E-mail: larkzhav@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые связи характеристик взаимодействия населения и региональных органов власти по решению социальных проблем, возникающих в процессе жизнедеятельности территориально-производственных агломераций. Выделенные параметры поведения акторов политического взаимодействия рассматриваются как исходный, стартовый элемент для анализа более широкого контекста связей в поле гражданских практик решения социальных проблем. Первым уровнем в структурировании объекта выступают проблемное поле на уровне агломерации и оценка усилий властей, разрешающих ситуации. Оба компонента изучены идентичным инструментарием за почти полувековой период через призму оценок населением общественных действий функционеров в той или иной сфере реализации жизненных потребностей людей. В каждом из замеров ($n_{1969}=2239$, $n_{1990/91}=9672$, $n_{2012-16}=13082$) выявлены устойчивые стереотипы взаимоотношений власти и населения, выражающиеся в константности «фигур» оценок и типах их сопряженности. На репрезентативных по отношению к населению РСФСР и РФ данных рассмотрены связи устойчивых типологических групп оценок параметров повседневности и выполнения местной властью своих гражданских функций с социально-демографическими признаками субъектов социальной активности. Анализ информации выводит на картину резкой дифференциации широких по-

лей массового сознания в контуре «власть – население» на региональном уровне. Достоверность фактов подтверждена апробированным математическим аппаратом.

Ключевые слова: социальные проблемы, усилия власти по их решению, взаимосвязь оценок населением состояния дел и оценок власти, дисперсионный, энтропийный, корреляционный анализ.

DYNAMICS OF PARAMETERS OF INTERACTION BETWEEN POPULATION AND LOCAL AUTHORITIES IN SOCIOLOGICAL PROJECTS 1969, 1990/91 AND 2012–2016.

Zhavoronkov Aleksandr V.

Doctor of Sociology,

Chief researcher,

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology

of the Russian Academy of Sciences,

Moscow, Russia.

E-mail: larkzhav@yandex.ru

Abstract. In the article some connections of characteristics of interaction of the population and regional authorities on the solution of the social problems arising in the course of activity of territorial-industrial agglomerations are considered. The selected parameters of the behavior of actors of political interaction are considered as a starting element for the analysis of a wider context of relations in the field of civil practices of solving social problems. The first level in the structuring of the object is the problem field at the level of agglomeration and assessment of the efforts of the authorities to resolve the situation. Both components are studied by identical tools for almost half a century through the prism of public assessments of public actions of functionaries in a particular sphere of realization of vital needs of people. In each of the measurements ($n_{1969}=2239$, $n_{1990/91}=9672$, $n_{2012-16}=13082$) stable stereotypes of the relationship between the authorities and the population, expressed in

the constancy of the “figures” of estimates and the types of their conjugacy were revealed. On the basis of representative data in relation to the population of the RSFSR and the Russian Federation, the connections of stable typological groups of estimates of the parameters of everyday life and the performance of their civil functions by the local authorities with the socio-demographic characteristics of the subjects of social activity are considered. The analysis of the information displays on the pattern of sharp differentiation of a wide field of mass consciousness in the contour of “power – population” at the regional level. The reliability of the facts is confirmed by the tested mathematical apparatus.

Keywords: social problems, efforts of the authorities to solve them, the relationship of population assessments of the state of Affairs and assessments of power, dispersion, entropy, correlation analysis.

Современные проблемы изучения развития местного самоуправления получили свою первую актуализацию как социологические практики в таганрогском проекте. Одной из центральных задач проведения комплексного социологического исследования в Таганроге было исследование процессов взаимодействия региональных органов власти и населения при решении социальных проблем, возникающих в процессе жизнедеятельности территориально-производственной агломерации. Часть исследований Генерального проекта «Функционирование общественного мнения в условиях города и деятельность государственных и общественных институтов» как раз и работала на решение этой задачи¹. Предварительный анализ полученных на финише проекта результатов потребовал

¹ В качестве составной части серии таганрогских исследований, проведенной ведущими исследовательскими коллективами страны, проект был реализован в Институте социологии АН СССР в 1967–74 гг. Руководитель проекта Б. А. Грушин, члены авторского совета В. Я. Нейгольдберг и М. С. Айвазян. Авторский коллектив разработчиков методик насчитывает более 30 человек. Далее в тексте проект «Общественное мнение» или ПОМ.

пролонгации наиболее эффективных методик во всесоюзные и всероссийские исследования для выяснения масштабов, динамики и стабильности обнаруживаемых явлений. Она и была проделана в 1990/91 и 2012–2016 гг. автором статьи при его участии в серии крупномасштабных социологических проектов, представляемых ниже. Одной из важных целей в этих исследованиях было **выявление, во-первых**, общей картины взаимодействия акторов процесса решения социальных проблем (как населения, так и властных структур), **во-вторых**, «топографии» самого предметного поля сфер взаимодействия и «узлов его дисбаланса», **в-третьих**, оценок усилий властных органов и их характера по разрешению возникающих напряжений. Достижение цели выводило бы на реальную картину **типа гражданского партнерства** в рассматриваемом дискурсе. Задача данной публикации – показать некоторые детали выявленной картины.

Статья имеет эмпирическую базу в виде 10 массивов информации из исследовательских проектов «Общественное мнение», «Правда 1990/91» и трех проектов Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии РАН¹. Число обследованных в базе данных по обозначенной

¹ Если говорить о всех 10 массивах, то это прежде всего три массива из 92, представляющих исследования проекта «Общественное мнение»: 1) «Информированность населения относительно городских проблем и отношение к этим проблемам» (n=1000, автор Г. А. Слесарев), 2) «Отношение населения к различным каналам выражения общественного мнения» (n=1017, автор В. Я. Нейгольдберг), 3) «Анкетный опрос работников местных руководящих органов: отношение работников местных органов власти к различным каналам выражения общественного мнения» (n=222, автор В. Я. Нейгольдберг). Затем это комплексное исследование «Правда»–1990» – последнее всесоюзное исследование 1990/91 гг. «Процессы социокультурных изменений в обществе» (n=9672, 3608 переменных, дублирующих многие показатели ПОМ, репрезентативное взрослому населению и СССР и РСФСР, авторы А. В. Жаворонков и В. Л. Павлов). Замеры 2012 г. выполнены в процессе реализации проекта «Гражданская экспертиза сферы управления» и насчитывают в общей сложности 4869 документов. Замер 2014 г. проведен в рамках проекта. «Диагностика состояния образа жизни и перспектив системы управления в России» (n=2169). Замеры 2015–2016 гг.

проблеме составляет 24891 человека. Возможность описания всего этого объема в одной статье нереальна, он обозначен для видения перспектив анализа. В соответствии с целью работы на первых порах исключены контрольные массивы опросов через Интернет и вне РФ, а также все респонденты, которые хотя бы в минимальной степени (начиная с уровня руководства бригадой) выполняют управленческие функции. Конечно, монографические обследования всего руководства Таганрога в 1969 г., полутора тысяч управленцев всех уровней в выборке 1990/91 гг. и около двух тысяч специалистов и управленцев, обследованных с 2012 по 2016 г. выполнены по стандартным процедурам. Но для целей данной статьи предметом выступают смысловые поля массового сознания ***исключительно рядовых жителей городского населения нашей страны*** в их оценках проблем с 1969 г. Статья носит вводный характер, но в следующих публикациях важные направления будут не только затронуты, но и развернуты на данных «контрольных» исследовательских массивов¹. Таким образом, объем анализируемой информации сокращается на этом этапе до 8960 респондентов: 980 рядовых жителей Таганрога 1969 г., 3575 рядовых городских жителей РСФСР 1990/91 гг. и 4405 рядовых горожан РФ 2012–2016 гг.

выполнены в рамках проекта РНФ № 15–18–30077: «Гражданская экспертиза проблемы реформирования властно-управленческой вертикали» (n=5452). Все три указанных проекта реализованы коллективом Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии РАН (ныне ФНИСЦ РАН) с 2012 г. при активном участии автора статьи (руководитель проектов А. В. Тихонов). Проект 2014 г. проведен вышеуказанным центром, Кафедрой социологии семьи и демографии МГУ, НИЦ Фонда Андрея Первозванного и Институтом социальной педагогики (соруководители А. И. Антонов и А. В. Жаворонков). Ансамбль обследованных с 2012 г. охватывает в 21 регионе РФ и двух бывших республиках СССР 13082 человека. Во всех массивах категории заявленной темы тождественны, минимум, однотипны и могут быть легко сведены к идентичным показателям. Формулировки вопросов одинаковы, шкалы оценок нормированы.

¹ Роль контрольных групп выполняют, к примеру, и массивы с сельским населением страны.

Конкретные задачи и аппарат их решения

Для ясности канвы изложения материала обозначим своего рода конечный ориентир работы. При анализе взаимодействия акторов контура «местная власть – население» уже к концу 1960-х гг. у социальных «партнеров» обнаружилась резкая дифференциация оценок своих гражданских характеристик. Местные власти, снижая оценки гражданской активности населения, завышали их себе, а население поступало противоположным образом. Динамику оценок шести параметров акторов взаимодействия см. на рисунке 1¹.

Картина в целом, скажем прямо, для полувекового периода вырисовывается безотрадная. Она, прежде всего, фиксирует у массового сознания глубокую пропасть в характеристиках взаимодействия между властью и рядовыми гражданами. Если в 1969 г. в типичном среднем городе РСФСР местная власть умудрялась учитывать мнения граждан и все-таки принимать как-то соответствующие ему решения, то теперь положение практически такое же, как и в начале 1990-х гг., когда население «вопиет» от полного игнорирования его мнений властью².

¹ Авторы методического инструментария В. Я. Нейгольдберг, Б. А. Грушин. Автором статьи инструмент был модифицирован к применению в последующих проектах. Пятибалльных оценок различных сторон гражданской активности было значительно больше шести (оценивались позиции местных СМИ и т.п.), но здесь отобраны сквозные для всех исследований. Распределения респондентов от среднего значения оценок параметров власти или населения имеют характер нормального во всех замерах. Уже это говорит о системности выделяемых параметров. На графиках представлены нормированные значения вектора отклонения от средней оценки у каждого респондента каждого из параметров; за $\max = 1$ принято наибольшее значение отклонения в 1991 г.

² Здесь следует отметить, что «центральная», почти круговая фигура оценки рядовым населением параметров взаимодействия и власти, и простых граждан в 1969 г., в принципе, сбалансирована. Ее своего рода невыразительная «усредненность» вызвана нормировкой относительно предельно низких и высоких отклонений анализируемых параметров в процессе их дальнейших «исторических» дифференциаций. В конце 1960-х гг. такого дисбаланса оценок, как в 1990/91 гг. или ныне, не наблюдалось.

Рисунок 1. Отклонения вектора оценок параметров гражданской активности населения (выражения общественного мнения) и местных органов власти при решении социальных проблем территориальной агломерации в период с 1969 по 2016 г. (n=8960)

При этом к сказанному надо добавить, что политические активисты (агитаторы, пропагандисты, общественные деятели и т.п.) в 1969 г. завышали оценки гражданской активности власти *в большей степени*, чем сами работники руководящих органов. Последнее нашло подтверждение в исследовании в масштабах страны в 1990/91 гг. О нынешних временах разговор должен быть особый. Главным же при сквозном анализе оказалось то, что и при исключении из всех респондентов, выполняющих управленческие функции (сначала был взят весь массив в 24891 документ), и при элиминировании в обработке влияния политических активистов (в соответствующих временных формах) каждая из трех фигур массового сознания в целом

за тот или иной период (рис. 1) резко дифференцировалась в позиционировании оценок и власти, и населения. Таким образом, обнаруживалось, что антагонизмы смысловых полей массового сознания относительно свойств акторов гражданского взаимодействия связаны не столько с общепризнанной стратификацией или традиционно понимаемым классовым размежеванием, сколько с совершенно иными явлениями взаимодействия власти и рядовых граждан. Теми, которые или не имеют ничего общего с классовыми или сословными перегородками, или имеют с ними латентную, пока что не выявленную связь. **Прояснение этого вопроса и есть главная задача публикаций по исследованию.** На первом этапе дело сводится к абрису самой ситуации в базовой основе взаимодействия ***рядовых граждан и власти*** – характеру процесса решения жизненно важных для всех проблем.

В проекте «Общественное мнение» были выделены и апробированы оценки населением пятнадцати сфер жизнедеятельности, состоянию дел в которых и усилий власти по решению этих дел люди ставили «отметки». Вопросы, разбросанные по всему документу формализованного интервью 1969 г., впоследствии были объединены в один следующим образом:

ДАЙТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ОЦЕНКУ ПОЛОЖЕНИЮ ДЕЛ РАЗНЫМ СФЕРАМ ЖИЗНИ ГОРОДА, ПОСЕЛЕНИЯ, ГДЕ ВЫ СЕЙЧАС ЖИВЕТЕ. (Сделайте это по пятибалльной системе так: скажем, дела обстоят ОТЛИЧНО – ставьте в квадрат напротив этого пункта «5», ХОРОШО – «4», УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНО – «3», ПЛОХО – «2», ОЧЕНЬ ПЛОХО – «1». если Вы затрудняетесь дать оценку, поставьте «9»)*.

Итак, в городе, поселении дела обстоят...		оценка:
1	...с возможностью найти работу	
2	...иметь нормальное жилье	
3	...с состоянием бытового, коммунального обслуживания	
4	...с работой транспорта, связи	
5	...с работой органов здравоохранения	
6	...с работой учреждений культуры	
7	...с досугом и отдыхом людей	
8	...с поддержанием здоровой природной среды	
9	...с организацией сферы общественного питания	

10	...с борьбой с преступностью, коррупцией	
11	...с борьбой с пьянством	
12	...с торговлей	

* Ниже приведены формулировки закрытий 12 «сквозных» для анализируемого периода сфер, и они изменены в связи с требованиями верстки в публикации, что не искажает их смысл. Верстка полевого документа приводится в связи с тем, что многолетний опыт показывает: наполняемость ответами резко возрастает, когда респондент не обводит готовую оценку шкалы, а сам проставляет «отметку» тому или иному явлению. Возникает своеобразная реализация гражданского акта, которому предоставляется не стандартизированное, а более свободное поле соотнесения и выражения себя в связи с заданными исследователями социальными параметрами.

Вслед за этим вопросом следовала просьба оценить работу местных руководящих органов по решению проблем, перечисленных в первом вопросе о делах в тех или иных сферах жизни.

Несколько важных обстоятельств перспектив моделирования различных сторон массового сознания на основе полученных данных.

1. Распределения обследованных относительно средней оценки состояния дел в выделенных сферах жизни *в каждом из анализируемых периодов* имеют характер нормального. То же касается и распределений оценок усилий местных властей по решению выделенных проблем. Таким образом, на основании критерия стандартного отклонения от средней ($X_{\text{ср}} \pm 1\sigma$) в каждом из периодов строятся по три группы, назовем их условно «критичных», «умеренных», «лояльных» в оценке и предметных сторон повседневности и усилий власти в решении возникших здесь проблем.

2. Теперь для выявления характера связи оценок реальности и усилий власти в статике и динамике достаточно получить распределения наших тысяч респондентов за почти 50 лет в матрицах «3×3». Коэффициент сопряженности «Фи» и нормированная энтропия «Н» покажут силу связи и динамику состояний смысловых полей акторов социального взаимодействия. Сравнения этих показателей в сопряженности сконструированных «триад» со «слоями-триадами» по социальному положению,

уровню образования, поколению, достатку, коммуникативной активности наглядно покажет, **что** работает сильнее.

3. Так как в каждом случае мы имеем нормальное распределение оценок от средней, то возникает возможность рассмотреть в полученных группировках и *силу вектора отклонения оценок от среднего значения*, что проявит количественно-качественную структуру **ориентаций** смысловых полей полученных групп.

4. Исследовательский коллектив последних трех проектов экспериментировал с набором оцениваемых респондентами сфер. В ряде замеров респонденту предлагалось оценить по 19 градаций реальности и усилий местной власти, а в последних замерах за 2015 и 2016 гг. число оцениваемых сфер было доведено до 29. Автор отобрал только те, которые были используемыми им с 1969 г. Однако для чистоты эксперимента триады «критичных», «умеренных», «лояльных» были получены и на 19, и на 29 градациях по всем массивам. Несмотря на то, что расширение реестра оценок ухудшает заполняемость анкет, сходимость результатов оказалась предельно высокой. Коэффициент «Фи» составил между тремя группами оценки реальности и тремя группами оценки усилий власти по 12, 19, 29 градациям 0,908–0,942–0,970, а значения нормированной энтропии оказались также близки 0,618–0,607–0,575. Увеличение градаций снижает дифференциацию распределений. Значения коэффициентов корреляции рангов между распределениями в матрицах по тем же 12, 19, 29 градациям также максимально близки. Это обстоятельство, кстати, позволяет элиминировать некоторые расхождения в наборах оценок параметров городской жизни в Таганроге от последующих замеров¹.

¹ Так, в полевом документе Г. А. Слесарева оценка сферы досуга имела дополнения в виде оценок насыщенности городской структуры спортивными базами и библиотеками, а сфера торговли, помимо общей оценки, имела детализации в оценках снабжения продовольственными и промышленными товарами в отдельности. Но интегральные показатели это не искажает, а при визуализации результатов расхождения сводятся до минимума и не влияют на существо выводов.

5. Конечно, для дескриптивного анализа расширение спектра параметров, хотя бы из-за вновь возникающих форм жизни, имеет смысл. Так, например, дифференцированная оценка состояния дел с местным самоуправлением монотонно падает в стране год от года с 2012 по 2016 г. от 56 до 47%, а оценка поддержки мелкого и среднего бизнеса и того больше: с 57 до 42%. Это фиксируется в массивах, взвешенных по переписям населения, где доля индивидуальных предпринимателей среди занятого населения составляет 1,4%, столько же, сколько и в наших выборках. Но это частные детали, а для выявления факторов формирования дифференциации полей массового сознания на диахроническом ряду переменных проекта «Общественное мнение» оказывается достаточно.

Картина в целом

На рисунке 2 показаны векторы отклонения в массовом сознании городского населения оценок усилий местных органов власти по решению соответствующих проблем¹.

Данные показывают существующий в массовом сознании стереотип: за полвека ухудшилось руководство региональных властей во всех областях, кроме работы транспорта, связи и организации торговли. Таким образом, у рядовых горожан нашей страны со всей очевидностью отражаются экономические и социальные тезисы М. Вебера и А. Преснякова, сделанные практически в одно и то же время об агрессивном характере торгово-спекулятивного капитала (в сравнении с промышленным) [Вебер 1990] и о тысячелетней колее в российском княжом правлении фискального характера управления [Пресняков 1938]. Оценки населения указывают на ясное понимание им того, что соответствующими структурами в 1990-е гг. была произведена приватизация общественных функций всех сфер общественной жизни в качестве источников

¹ Для наглядности визуализации число сфер сведено к минимуму. Отклонения нормированы по максимальному за 4 лет значению самой высокой оценки решения проблем культуры в 1969 г.

Рисунок 2. Отклонения вектора оценок решения социальных проблем территориальной агломерации местными органами власти от средних значений в период с 1969 по 2016 г. (n=8960).

дохода. Это событие произошло при резком расширении, буквально «взрыве», долго находившейся в ригидном состоянии, в частности и из-за низкого товарного покрытия потребительского спроса, сферы вторичного перераспределения товаров и услуг¹. Из графика следует, что местная власть, конечно, решает все проблемы, но оценки ее стараний в интересах общества упали по всем параметрам, кроме приносящих ей максимальный доход. Детализируем связи оценок власти и проблем в массовом сознании.

¹ Разбор объективных и субъективных причин этого явления – статья особая.

Взаимосвязи оценок повседневности и оценок власти в целом

В нижеследующей таблице приведены распределения частот групп «критичных», «умеренных» и «лояльных» в оценках действий местной власти в аналогичных группах оценок состояния дел.

Таблица 1. Взаимосвязь групп по **оценке взаимодействия органов местной власти, СМК и населения** и групп по **оценкам различных сторон общественно-политической жизни страны и сферы управления** (в % по весу групп в массиве опрошенных 827; 3428, $n_{2015-16} = 4356$ и в знаках силы отклонения от средней по критерию Стьюдента)¹.

Сопряженность групп		Группы критичной, умеренной, лояльной оценки решения проблем региональными властями											
		Замер 1969 г.			S	Замер 1990/91 гг.			S	Замеры 2012-16 гг.			S
		-	±	+		-	±	+		-	±	+	
В целом		21	62	17	100	16	71	13	100	11	72	16	100
Оценка дел	-	48	47	5	100	66	34	0	100	68	32	0	100
	±	18	66	16	100	9	83	8	100	4	89	7	100
	+	10	57	33	100	0	41	59	100	1	33	66	100
В целом		21	62	17	100	16	71	13	100	11	72	16	100
Оценка дел	-	+++	---	---	15	+++	---	•	15	+++	---	∅	12
	±	---	+++	+-	70	---	+++	---	73	---	+++	---	71
	+	---	-	+++	15	∅	---	+++	12	•	---	+++	17
В целом		Q	Фи	Н		Q	Фи	Н		Q	Фи	Н	
		>99,9	,327	,771		>99,9	,743	,619		>99,9	,890	,587	

- «-» критичные ($X_{ср} - 1\sigma$)
 «±» умеренные ($-1\sigma < X_{ср} < +1\sigma$)
 «+» лояльные ($X_{ср} + 1\sigma$)

¹ Знаки в колонках сказуемого обозначают группы оценок: «-» низкая, «±» средняя, «+» высокая. Знаки на пересечении строк подлежащего и колонок сказуемого на плюс или минус обозначают вектор (ниже-выше), а по числу плюсов или минусов силу отклонения (от max до min) в соответствующих 95–90–80% доверительных интервалах. Отклонение в % с силой ниже 80% доверительного интервала имеет знак «+ -». Знаки «•» и «∅» говорят о нерепрезентативной частоте и о том, что явление в данном пересечении параметров не обнаруживается. Также в таблице 2.

Обозначим сначала количественный аспект центра нормального распределения оценок и их связей. Средние оценки сначала состояния дел, а затем усилий власти по их решению за 1969, 1990/91, 2012–2016 гг. составляют соответственно: 3,02–2,96–2,59–2,58–3,17–3,12¹. Распределения частот от средних значений дают группы таблицы 1.

Итак, дела в нашем обществе на региональном уровне и работа местной власти по решению этих дел за 50 лет интегрируются в массовом сознании на «три». ***Это не может быть иначе, так как средняя для динамической системы, находящейся в стационарном состоянии, как таковая в массовом сознании и фиксируется*** (фиксация в 1990/91 гг. ее падения говорит о схватывании инструментом временных флуктуаций состояния дел через оценки).

Из сопряженности полученных матриц следует, что в массовом сознании на протяжении полувека укрепляется устойчивая прямая связь между оценками состояния дел и оценками работы местной власти по их решению². Если в конце 1960-х гг. на каждую тысячу респондентов приходилось по десятку или полтора десятка людей, оценивающих состояние дел плохо, а работу власти выше среднего и наоборот, то с 1990-х гг. таковых не фиксируется в выборках до 4500 (иногда здесь случайно «выпадает» по 1 респонденту). Напомним, что, анализируя все это, мы пока имеем дело лишь с рядовыми горожанами страны.

¹ Две последние пары за 1990/91 и 2012–2016 гг. получены как взвешенные на генеральную совокупность по соответствующим переписям населения через тройную группировку «пол x род занятий x образование» за 1989 г. и «пол x возраст x образование» за 2010 и 2015 гг.

² Заметим здесь, что мы не ставим задачу выявить *объективность* оценок реальности. Для этого надо провести анализ государственной статистики в региональном срезе и, вообще, работать в другом инструментальном дискурсе. Задача наша в выявлении картины дифференциации смысловых полей массового сознания и попытке обозначить социальные причины и механизмы этих различий.

Связи оценок с социально-демографическими признаками

При анализе полученной информации распределение частот каждой из групп по оценке дел и усилий местных властей рассматривалось в каждом замере в границах шести признаков: пол, поколение, социальный слой, образование, достаток, политико-коммуникативная активность¹. Было получено 36 таблиц, аналогичных каждой из трех, составляющих таблицу 1. В каждой из таблиц была замерена значимость отклонений частот по критерию Стьюдента на пересечении признаков от распределений по выборке в целом и просчитаны коэффициенты сопряженности и нормированная энтропия распределения совместных частот. Смысла приводить все распределения и знаки отклонения частот нет, достаточно выводов по ним, а показатели сопряженности в силу значимости вывода по ним следует привести. Но сначала проведем описание отклонений частот значимых в 90% доверительном интервале. Они засвидетельствуют о динамике явлений и одномоментных доминантах поведения тех или иных групп при изменении социальных ситуаций.

Демографические признаки. Мужчины в Таганроге в 1969 г. тяготеют к высоким, а женщины к низким оценкам положения дел, не имея особых различий между собой в оценках работы местной власти². В 1990/91 гг. группы по

¹ Пол (мужчины/женщины), поколение (до 29 лет/30–49 лет/50 и старше), социальный слой (занятые в производстве материальных благ: рабочие сельского хозяйства и промышленности, ИТР, специалисты сельского хозяйства/не занятые в материальном производстве, но занятые в народном хозяйстве в непроеизводственных сферах/не занятые в народном хозяйстве: пенсионеры, домохозяйки, учащиеся), образование (до 9 классов/среднее/неполное высшее и высшее), достаток (ниже среднего/средний/выше среднего – определяется по числу потребительных стоимостей в пользовании семьи респондента), политико-коммуникативная активность (определена по критерию $\pm 1\sigma$ от среднего числа используемых форм соответствующих сфер жизни).

² Напомним, что ряд последующих проектов подтвердил, что результаты таганрогских исследований полностью соответствуют

полу в РСФСР практически не дифференцируются. И оценки проблем, и оценки власти снизились, стали настолько всеобщими, что разница в них для мужчин и женщин в масштабах страны исчезла. В 2012–2016 гг. мужчины резко увеличивают вес в группах критично оценивающих и состояние дел, и местную власть. Женщины занимают более нейтральные позиции.

Младшее поколение в противоположность старшему в 1969 г. критично оценивает дела в регионе, но нейтрально по отношению к власти в отличие от лиц среднего возраста, занимающих по отношению к местным властям критическую позицию. Старшее поколение и по оценкам проблем, и по оценкам власти в то время «лояльно». В 1990/91 гг. младшее и среднее поколения наиболее недовольны положением дел, а молодые люди увеличивают вес и среди «критично» настроенных в отношении к местным властям. В 2012–2016 гг. они круто меняют свои оценки на противоположные. Старшее поколение будучи «лояльно» в оценке проблем и склоняясь к «лояльной» оценке властей в 1990/91 гг., к нынешнему времени резко уменьшает свой вес среди довольных и состоянием дел в регионе, и местной властью.

Социальные признаки. Занятые в материальном производстве нейтральны в оценке положения дел в регионе в 1969 г., но «критичны» по отношению к власти в сравнении с не занятыми в народном хозяйстве. В 1990/91 гг. занятых в материальном производстве отличает срединная позиция в оценках местных проблем и деятельности местных властей. Слои служащих и интеллигенции занимают в это время критические позиции, не занятые в народном хозяйстве увеличивают свои доли среди «лояльных». К нашему времени слои стабилизируются: создающие материальный продукт тяготеют к «критичным», служащие и интеллигенция к умеренно настроенным, а не занятые в народном хозяйстве к «лояльным» слоям. Большинство не

результатам всесоюзных исследований и исследований по РСФСР. ЦЭМИ смог выбрать действительно типичный город федерации, и, говоря о таганрогских исследованиях, мы имеем полное право говорить о всей стране в тот период.

занятых в народном хозяйстве составляют пенсионеры и занятые в домашнем хозяйстве. Вес студентов здесь невелик.

Слои по уровню образования в целом поменяли свою ориентацию за рассматриваемый период. В конце шестидесятых годов с повышением уровня образования особых изменений в оценках проблем и местной власти не прослеживалось. Исключение – высокие оценки состояния дел и усилий власти слоем с незаконченным средним образованием. В 1990/91 гг. все меняется. С повышением уровня образования растет критическая оценка и проблем, и власти. А вот в 2012–2016 гг. ситуация зеркальна по отношению к началу 1990-х гг. С повышением уровня образованности растут «лояльные» настроения.

Слой низкого достатка отличался в 1969 г. «критичным» настроением к повседневным реалиям местной жизни и «лояльным» по отношению к местной власти. Средние и выше среднего достатка слои внятно выраженной позиции в это время не имели. В период слома социальных отношений слой низкого достатка, сохраняя критическую позицию в отношении местных проблем, «лояльность» к власти резко снижает. Впервые с этого времени уровень достатка становится прямо пропорционален степени снижения критического настроения и повышения лояльности и остается таким до нынешнего времени. При этом и критичность оценки проблем к 2016 г. наиболее явно падает с возрастанием уровня достатка.

Политико-коммуникативная активность в 1969 г. не дифференцирует особо резко рядовых граждан в оценке проблем, но у активных в прямую противоположность пассивным возрастает доля «критичных» к местной власти. В 1990/91 гг. проблемы становятся всеобщими, власть на местах дифференцируется, информационные и политические формы активности претерпевают резкие изменения и связи здесь практически не проявляются. Сейчас они имеют ту же фигуру, что и в срезе по достатку: чем выше политическая и коммуникативная активность, тем выше «лояльность» и в оценке местных проблем, и в оценке местной власти.

Все сказанное однако просто меркнет по силам связи между оценками состояния проблем и оценками дел

власти по их решению. Для наглядности ниже приведены коэффициенты взаимной сопряженности и значения нормированной энтропии по всем 36 таблицам связей оценок с социально-демографическими признаками, которые бегло описаны выше. Оценим разницу силы связей.

Из таблицы 2 видно, что связи социально-демографических признаков просто не сопоставимы с показателями сопряженности и энтропии (последняя строка таблицы 1) между полученными группами соответствия оценок предметного поля сфер повседневности и усилий власти по поддержанию его в нормальном для жизнедеятельности населения состоянии. В самом деле, в 1969 г. весьма велика разница в силе связи в 0,327 у групп оценки проблем и оценки власти с силой связи 0,174 (самая большая сопряженность среза по поколениям с группами оценки состояния дел в регионе). Но в 2012–2016 гг. этот разрыв по тем же параметрам становится огромным: 0,890 против 0,105 (значения «Фи» при $Q=99,9\%$). Что касается значений нормированной энтропии, то распределения частот в связях групп оценки проблем и власти с социально-демографическими группами нигде и близко не приближаются к показателю 0,583 (таблица 1), свидетельствующему о сильнейшей концентрации частот оценок в одном однородном смысловом поле. Все без исключения показатели нормированной энтропии в таблице 2 говорят о распыленности частот распределений в объединениях оценочных групп поля взаимодействия местных властей и населения с группами из традиционных социологических признаков.

Отсюда следует, что показатели, эффективно структурировавшие общество на предыдущих этапах его развития, конечно же, связаны с тем или иным смысловым полем оценок массового сознания, **но косвенно**. А вот группы оценочных смысловых полей массового сознания, возникшие в результате конкретного реального взаимодействия акторов решения социальных проблем, связаны напрямую. Конечно, это близлежащие предметные поля реальности, но важность задачи их структурирования это не уменьшает. На первый взгляд кажется, что найден промежуточный

Таблица 2. Взаимосвязь типологических групп по **оценкам различных сторон властной управленческой вертикали** и социально-демографических групп (в коэффициентах взаимной сопряженности и в показателях нормированной энтропии; /).

год	Группы интегральной оценки:	К	1	2	3	4	5	6
1969	Состояния дел в регионе	Фи	,118	,174	,092	,109	,090	,100
		Н _{общ}	,825	,845	,796	,766	,714	,707
	Усилий власти по решению дел	Фи	,046	,150	,210	,117	,113	,149
		Н	,896	,905	,851	,833	,772	,768
1991	Состояния дел в регионе	Фи	,024	,140	,083	,068	,045	,027
		Н _{общ}	,810	,749	,835	,754	,719	,707
	Усилий власти по решению дел	Фи	,013	,109	,085	,070	,072	,016
		Н _{общ}	,810	,854	,850	,769	,731	,725
2016	Состояния дел в регионе	Фи	,049	,105	,084	,085	,073	,042
		Н _{общ}	,820	,858	,859	,788	,758	,733
	Усилий власти по решению дел	Фи	,041	,072	,047	,082	,074	,048
		Н _{общ}	,809	,851	,850	,779	,750	,722

значения энтропии и коэффициенты связи между группами оценок и:

- 1 – мужчинами и женщинами (2 группы)¹
- 2 – возрастными слоями (3 слоя)
- 3 – слоями по отношению к сфере материального производства (3 слоя)
- 4 – образовательными слоями (3 слоя)
- 5 – слоями по достатку (3 слоя)
- 6 – слоями по политико-коммуникативной активности (3 слоя)

¹ Все слои и группы, кроме групп по полу, имеют по три градации и, таким образом, все значения $K_{\text{сопряженности}}$ и $H_{\text{общ}}$ матриц «3 x 3» (с 4-мя степенями свободы) сопоставимы у этих показателей как между собой, так и на диахроническом ряду. Аналогичные значения сопряженности между группами явлений, вынесенных в подлежащее таблицы, и в колонке, представляющей признак «пол» могут быть сравнимы только между собой по признакам подлежащего и во всех трех замерах. заливкой выделены показатели со значимостью менее 90%.

показатель эффективности реального взаимодействия акторов решения проблем, тот нерв социальной политики, который вырабатывает соответствующую дифференциацию оценок повседневной реальности и дел власти. Но нужна проверка. Обратимся к качественным характеристикам позиционирования групп.

Количественно-качественная структура типологических групп

Каждая из групп «критичных», «умеренных», «лояльных» по оценке состояния дел в тот или иной рассматриваемый период имела численно выраженный вектор отклонения от средней оценки всех сфер повседневности по каждой сфере у каждого респондента. Нормированные графики значений отклонений в этих группах по всем выделенным сферам за 1969, 1990/91, 2012–2016 гг. приведены на рисунке 3. Прежде чем произвести описание полученного результата, разъясим, что стоит за интерпретацией каждой точки каждого графика.

Во-первых, оценено по уже означенному критерию Стьюдента значение отклонения от средней той или иной оценки у каждой группы (т.е. сила отклонения от средней каждой точки каждого из трех графиков). Таким образом, вся дифференциация групп выявлена программно в 95% доверительном интервале значимости отклонений. Это не автор делает выводы, это социальная реальность их сделала.

Во-вторых, были ранжированы оценки всех сфер в каждой группе оценок повседневности (3), в каждой группе оценок работы местной власти (3), а также в каждой из социально-демографических групп (17), анализ поведения которых произведен выше. Число рядов рангов за три замера составило 69. Для контроля эта операция была проведена и в отношении оценок местной власти. Затем были построены SPSS-файлы 138 рангов оценок дел и усилий власти и получены коэффициенты корреляции оценок групп в период с 1969 по 2016 г.

Рассмотрим параметры выявленной картины.

Рисунок 3. Отклонения вектора оценок состояния социальных проблем территориальной агломерации в период с 1969 по 2016 г. в группах критично, умеренно и лояльно настроенных рядовых граждан (n=8960).

1. Картина дифференциации оценок по всему реестру сфер подтверждает выводы, сделанные выше по динамике в целом (рисунок 2).

2. Очень подвижная в оценке положения дел в регионах **картина** между 1990/91 и 2012–2016 гг.¹, а также наличие *связи* в оценках местных властей между 1969 и 1990/91 гг.² при *отсутствии* связей тех же оценок последнего замера с оценками в двух предыдущих³, оказывается еще более динамичной в срезе «критичных», «умеренных», «лояльных». К примеру, в целом, динамика в средних (5 баллов) оценках 1969–1990/91–2012–2016 гг. у наиболее дифференцирующих население сфер такова: **возможность работы** 4,4–3,4–2,8, **возможности досуга** 4,1–2,5–3,4, **возможности иметь достойное жилье** 2,5–2,3–2,7, **дела торговые** 3,2–1,4–3,7.

¹ Пирсон –0,304 при 66,3% доверительном интервале.

² Пирсон +0,832, Кендалл +0,733, Спирмен +0,829, – все значимы при 95%.

³ Исключение Тай-б Кендалла +0,467 при значимости в 81,2%.

3. Главным по важности и неожиданным результатом оказывается полная внутренняя неоднородность и разнонаправленность вектора отклонений оценок в каждой из групп «критичных», «умеренных», «лояльных» и в каждом из временных замеров. *«Лояльные» вообще не по всем сферам дают отклонения «на плюс», а «критичные» «на минус».*

В 1969 г. именно группа «лояльных» (14%) дает максимально отрицательную оценку дел в сфере бытового обслуживания, затем в сфере решения проблем жилья, а уж потом в криминальной сфере. На первых трех местах у «лояльных» обеспеченность библиотеками, насыщенность городской среды кинотеатрами, работа. Слой «критически» настроенных (15%) ставит на первые три места по приоритету работу, обеспеченность библиотеками, обеспечение кинотеатрами. Хуже всего «критичные» оценивают сферу бытового обслуживания, насыщенность городской среды спортивными базами и состояние сферы торговли. Наибольшие различия между «критичными» и «лояльными» в оценках сферы жилья, бытового обслуживания и борьбы с преступностью (первые относительно удовлетворены, вторые – нет) и в оценках сферы досуга, насыщенности спортивными базами и состояния торговли («лояльные» удовлетворены, «критичные» занимают противоположные позиции).

В 1990/91 гг. редкое единодушие, наблюдаемое в обществе в оценке торговли (1,4 по пятибалльной системе), оказывается резко дифференцирующим не только «критичных» (17%) и «лояльных» (13%), но и «умеренных» (70%). «Критичные» высоко оценивают возможности получения работы, борьбы с преступностью и пьянством, а их отрицательная оценка торговли в это время сильно отклоняется по сравнению с оценками «умеренных» и «лояльных» в лучшую сторону. «Лояльные», также высоко оценивая возможности получения работы, отстают наиболее сильно здесь в оценке от «критичных». Затем по высоте оценок у них выше среднего оценка работы учреждений культуры и возможностей для отдыха и досуга.

В 2012–2016 гг. между всеми слоями наблюдается редкое единодушие в положительных отклонениях вектора оценки

работы торговли (хотя «лояльные» здесь все-таки значимо снижают оценку), учреждений культуры, транспорта и связи, общественного питания. Борьба с преступностью и коррупцией находится в зоне срединных, почти нулевых отклонений. «Критичные» (12%) дают отклонение положительной оценки сферы досуга и отдыха людей в 0,01 балла на шкале «+1,00 ... –1,00», «умеренные» (71%) повышают его до 0,46, а «лояльные» (17%) до 0,65 балла на той же шкале.

Конечно, за перечисленным угадывается разнообразие уровней насыщения определенных социальных потребностей рассмотренных групп, динамика изменений положения людей в сферах потребления и вторичного перераспределения. Однако дальнейшее изучение в этом направлении может объяснять лишь отдельные флуктуации процесса, а единый фактор центробежных и центростремительных траекторий движения смыслов массового сознания ускользнет. Между тем он здесь угадывается. Если оценивать ситуацию в целом в сравнении всех трех периодов, то необходимо отметить следующие обстоятельства.

1. И в 1969, и в 1990/91 гг. картины отклонения оценок состояния дел в регионах от средних величин во всех трех типологических группах «критичных», «умеренных» и «лояльных» отличались большим разнообразием и дифференциацией. В 1969 и 1990/91 гг. 43 и 44% полей оценок сфер повседневности давали дифференциацию групп в 95% доверительном интервале. В 2012–2016 гг. этот показатель составляет 22%. В 2012–2016 гг. – уже 50% от всего набора сфер жизни, а не 40 и 30%, как в 1969 и 1990/91 гг., вызывают отклонения оценок в положительную зону у всех выделенных групп. Но это единство отражает процесс стандартизации положения анализируемых слоев в обществе относительно некоторых базовых форм жизни, нежели единство в свободном разнообразии необходимом для развития. Полноправным основанием для этого вывода является следующий обнаруженный факт.

2. 138 рангов распределения отклонений оценки анализируемых параметров дали каждый по 3 ранговых коэффициента (Пирсон, Кендалл, Спирмен). Во всех триадах признаков (и парных срезах по полу) 514 корреляционных

коэффициентов (за редким, в десяток-полтора показателей незначимой связи, касающихся 1969 и 1990/91 гг.) фиксируют положительные связи в диапазоне от +0,733 Тау-б Кендалла до +0,998 Пирсона или Спирмена между всеми полярными и срединными типологическими (по оценкам проблем и власти) и социально-демографическими группами (пол, поколение, достаток, слой, образование, политико-коммуникативная активность). Эти связи, как правило, фиксируются с 99,9% значимостью. Возникает непреложный вывод, что сферы повседневности служат, естественно, денотатами различий в социальной системе, но лишь как своего рода фильтры. И в этом качестве они как номинанты, сами по себе, не могут быть базовым фактором, дискриминирующим различные слои рядовых граждан¹. Но полученные группы различаются критерием стандартного отклонения с точностью физического закона. Тот же критерий значимо различает группы по достатку, активности в политико-коммуникативной сфере. Образовательные группы и поколения резко разнятся по уровням знаний, возрастному социальному опыту. И это достаточно формальные критерии, которые не учитывают некоторые стоимостные, временные и многие другие детали, но уже дают дифференциацию, четко показывающую социальное неравенство. Для прояснения происходящего была проведена еще одна комбинаторная рекомбинация данных всех обозначенных исследований.

Если на протяжении пятидесятилетних замеров полей массового сознания единым инструментом на разных объектах мы получаем принципиально одни и те же количественные распределения относительно определенных параметров и имеем при этом качественные признаки совершенно по-разному аккумулируемых людьми форм жизни, стоящих за этими параметрами, то это означает, что мы имеем дело с системными

¹ Это, кстати, имеет значение для критического подхода к проблемно-ориентированному управлению. Средства на решение проблем лежат в изменении условий порождения проблем, в то время как проблемный подход всего лишь фиксирует необходимость направления средств на решение, что и способствует повышению затрат и порождению опять же новых проблем. Удобно, конечно.

факторами, которые константно синтезируют в себе социальную активность совершенно разных поколений людей. В этом случае мы можем рассмотреть конгломерат признаков как некоторую кристаллическую решетку, а исследуемых людей как переменные, принимающие различные значения в тех или иных точках многомерного пространства. Тогда коэффициенты корреляции Тау-*b* Кендалла в отношении каждого из остальных респондентов покажут сколько парных совпадений у этого человека с другими по данному смысловому дискурсу. У одного их будет много, у другого – мало, но их совпадения будут детерминированы социально совокупностью общественных отношений, в которых эти люди объективно оказываются. Эта операция приносит свои результаты и в отношении изучения и ценностей, и семейных ориентаций, и рейтинга политических деятелей. Принесла она свои плоды и в отношении оценочного поля массового сознания по поводу повседневной реальности и усилий власти по решению местных проблем. Число положительных корреляций распределений пятибалльных оценок по всем респондентам в каждом замере отдельно по выделенным проблемам и отдельно по работе местных властей составляло от полумиллиона до нескольких десятков миллионов, но в 67% значимости было, как правило, около 35% от всех возможных. Распределения в каждом из замеров от среднего числа значимых положительных по Тау-*b* Кендалла корреляций рядов оценок и проблем и решений их властью были по каждому из параметров близкими к нормальному. Опять же критерием стандартного отклонения выделялись **узкий, средний, широкий** ареалы совпадения оценок у рядового населения двух исследуемых параметров. Качественная характеристика этих ареалов – тема отдельная. Достаточно сказать, что подобное выделение относительно реестра имен политиков обнаружило многолетние, соответствующие узкому, среднему, широкому ареалу либеральные, консервативные и прагматичные политические ориентации. Матрица из трех групп узкого, срединного, широкого *ареалов совпадений оценок проблем* на такие же три *ареала совпадения оценок местных руководящих органов* выявила ничтожную долю совместимости узких и широких ареалов по двум компонентам (проблемы и власть).

Они составляли от 0,5 до 1,5% в каждом из трех замеров и были отброшены. Оставшиеся семь позиций были объединены в пять: 1) узкий ареал проблемных оценок и узкий и средний ареал оценок власти (порядка 20% каждого из массивов); 2) средний ареал проблемных оценок и узкий – оценок власти (порядка 10% каждого массива); 3) средний ареал проблемных оценок и средний ареал оценок власти (порядка 40% каждого массива); 4) средний ареал проблемных оценок и широкий ареал оценок власти (порядка 10% каждого массива); 5) широкий ареал проблемных оценок и средний и широкий ареалы оценок власти (порядка 20% каждого массива)¹.

Устойчивое совпадение долей полученных слоев в серии независимых проектов за срок почти в полвека уже само по себе уникально. Оно говорит о выявленном поле **объективных идентичностей носителей смысловых полей массового сознания** при взаимодействии населения и местной власти. Однако еще более неожиданными в этих пяти группах оказались корреляции оценочных рангов и проблем и власти в динамике.

За 1969 г. между группами нет отрицательных корреляций ни по ряду проблем, ни по ряду оценок власти. В 1990/91 гг. наблюдается сильная и значимая отрицательная связь в оценочном поле власти у первой и второй групп (30% рядовых граждан) и сильная значимая отрицательная связь второй группы со всеми остальными четырьмя без исключения. Третья, четвертая и пятая группы (около 70%) имеют каждая только одну сильную отрицательную корреляцию со второй группой. В замерах 2012–2016 гг. эта картина повторяется в точности, однако к ней прибавляется факт значимой сильной отрицательной корреляции рангов между первой и второй группой и между первой и всеми остальными уже и в проблемном поле. От единства мнений не остается камня на камне. В антагонизме оценки проблем (до $-0,739$ Пирсона, $-0,595$ Тау-б Кендалла, $-0,771$ Спирмена – все с 99,9% значимостью) находятся до 40% огромного слоя населения. Смысловое **оценочное поле**

¹ Колебания в каждой из указанных пяти долей от замера к замеру составляют от 1% в самых малых до 3% в самой большей, срединной.

массового сознания в политическом дискурсе **подвижно, а состояние этого поля – совпадение социальных позиций – стабильно**. При этом в этих пяти группах наблюдаются двух- и трехкратные перепады долей оценок в слоях, считающих безуспешной политику уже **центральной власти по ликвидации разрыва между богатыми и бедными, мерам демографической политики и предоставления прав регионам в использовании своих ресурсов**. В группах же «критичных», «умеренных», «лояльных» по отношению к проблемному полю и усилиям местной власти перепады долей оценок по указанным направлениям достигают **десятикратных размеров** (критический настрой смыслового поля переходит здесь на другой уровень сферы управления). **Узкий** (с малым числом совпадающих оценок проблем и узким и средним числом совпадающих оценок власти) **ареал** слоя рядовых горожан (20%) в 2012–2016 гг. высоко оценивает возможности приобретения жилья, получения работы, бытовых услуг, работы органов внутренних дел и состояния охраны природной среды. Его оценки власти по этим пунктам также высоки. Критичен этот слой по отношению к деятельности местной власти в сферах торговли, здравоохранения, общественного транспорта. Позиции **широкого ареала** с числом выше среднего доминирующих совпадений оценок и проблем и власти (18% в замерах 2012–2016 гг.) отражены на нижнем графике на рисунке 3. От того он и доминирующий – совпадения его оценок носят всеобъемлющий характер. У этого слоя в зоне низких оценок как раз те сферы жизни, которые высоко оценивают носители форм узкого ареала совпадения оценок. Коэффициенты корреляции рангов оценок усилий местной власти по решению проблем в разбираемых сферах жизни в этих двух слоях рядовых горожан (20% и 18%) составляют $-0,738$, $-0,606$, $-0,776$ по Пирсону, Кендаллу, Спирмену соответственно и при значимости не менее 99,4%.

В итоге

Мы присутствуем при кристаллизации антагонизмов в полярном и осознаваемом таковым широкими слоями поле

«власть – народ». Они, происходят не по чьей-то злой воле, а по суммарной эффективности социально-экономической и технократической политики проблемно-ориентированного управления, которое не обладает интересом в смене статус-кво производственных отношений и диверсификации форм собственности и власти на различных уровнях социальной жизни. Рассматривать здесь эти антагонизмы как классовые, сословные или этакратические преждевременно. В представленных результатах элиминировано влияние слоя включенных в сферу управления даже в минимальной степени. Он удален из информационных массивов. Региональный фактор в составе полярных групп не прослеживается, а в **узком ареале** совпадения оценок и проблем, и власти у рядовых горожан в наше время обнаруживается некоторый диссонанс, исключаящий фактор стратификации: увеличение доли слоя высокого достатка одновременно с долей лиц с низким уровнем образования. Все это требует продолжения анализа результатов, получаемых с помощью представленного в статье инструмента на более широком предметном поле. Оно уже получено. Обнаруженные группы не только позиционируются на разных уровнях сферы управления, но и рассматриваются с точки зрения ценностных, инновационных, профессиональных ориентаций. Однако описание этих результатов тема других работ.

Список литературы

- Вебер М. 1990. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс. С. 61–272.
Пресняков А. Е. 1938. Лекции по русской истории Т. 1. М. 278 с.